православная газета для всех 12+

Наша вера

№ 1 (213)
31 января
2022

Это есть любовь к Богу, чтобы мы соблюдали заповеди Его; и заповеди Его нетяжки. Ибо всякий, рожденный от Бога, побеждает мир; и сия есть победа, победившая мир, вера наша (1 Ин. 5, 3-4).

По благословению митрополита Калужского и Боровского Климента

«ЖИТЬ - ЭТО МЕДЛЕННО РОЖДАТЬСЯ»

Год, как нет с нами Людмилы Киселёвой – художницы, журналиста, Почётного гражданина города Боровска, кавалера медали ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени, лауреата международной премии «Профессия – жизнь», члена Союза художников России, члена Союза журналистов России. А главное – человека великой души и милостивого сердца.

Будучи сама прикованной к постели, Людмила Георгиевна спасла сотни человеческих жизней. Она восстанавливала храмы, опекала детей-сирот и инвалидов. Более десяти лет была директором социальной организации «Дело Общего Милосердия – дети-сироты и инвалиды». Была одним из активных инициаторов сохранения и возрождения боровских церквей. Благодарные жители разместили на храме в честь Воздвижения животворящего Креста памятную доску с её именем.

С детства Людмила Киселёва была обречена на неподвижность, врачи ей предрекали ранний уход из жизни, однако она прожила 78 лет (умерла 30 января 2021 года). Она родилась инвалидом с диагнозом «миопатия» (прогрессирующее отмирание мышечной ткани, приводящее к полной неподвижности). До рождения Людмилы родители похоронили троих детей, также болевших миопатией и умерших от воспаления лёгких. Младший сын, родившийся после Людмилы и которого она помнила, умер в возрасте два с половиной года.

Школьное образование получала дома. Окончив школу в 1959 году, поступила учиться в московский «Государственный заочный народный университет искусств» на факультет рисунка и живописи. Первым педагогом был Григорий Ефимович Тарасевич, который сразу изменил программу обучения, направив её на преодоление неуверенности и усложнив её. Затем класс вёл живописец и график А. С. Айзенман, которому Людмила Георгиевна осталась благодарной на многие годы. В 1964 году окончила обучение.

В 1965 году состоялась первая персональная выставка в родном городе Боровске, состоящая из учебных рисунков. Выставка была организована педагогом А. С. Айзенманом.

С 1964 года и на протяжении многих лет сотрудничала с редакциями газет. С районной «За коммунизм», затем «Боровские известия», областными и региональными «Знамя», «Молодой ленинец», «Магаданский комсомолец», центральными «Правда», «Советская культура». 1978 – лауреат премии Калужского обкома ВЛКСМ.

1987 – вышла книга Т. Пыжиковой «Напряжение» (о жизни и творчестве Л. Г. Киселевой), издательство «Молодая гвардия».

В конце 1980-х годов Людмила прекратила рисовать.

«В 1997 году со мной случился инфаркт. Я осталась жива, а через три года слегла. Моё лежачее положение вынудило меня искать новые формы деятельности, и случилось так, что в мою жизнь пришли дети. Я стала директором общественной организации „Дом адаптации детей-сирот и инвалидов“, посредником между самыми беспомощными и беззащитными людьми на земле и теми, кто хочет и может помогать им».

С 1997 – работала директором Боровского филиала Дома адаптации детей-сирот и инвалидов. Директор Калужской региональной общественной организации «Дело Общего Милосердия – дети-сироты и инвалиды».

28 февраля – 7 марта 2018 г. в Инновационном культурном центре Калуги прошла выставка-фотолетопись Людмилы Киселёвой «Путь за пределы самой себя».

Людмила Георгиевна говорила: «Мужество не бывает само по себе, а только в тесном содружестве с болью, страданием и всякими искушениями. Испытаниями растём – известная истина. Достойно нести себя по этой земле – это тяжкая ноша, и никто другой не может взять её на себя, и называется эта ноша – твоя жизнь. Кто ищет жизнь комфортную, тот никогда не узнает самого себя – кто я, какой, зачем живу». Её размышления о смысле земной жизни читайте на страницах 5 и 7 настоящего номера газеты.

Правозащитники предупреждают, что TikTok пропагандирует смену пола среди детей

ВАШИНГТОН. Защитники детей, выступающие против трансгендерной идеологии, предупреждают о рисках, связанных с использованием детьми соцсети TikTok, под влиянием видеороликов которой молодёжь и подростки массово начинают принимать экспериментальные блокаторы полового созревания и делать операции по смене пола, сообщает американский сайт «Christian Post» со ссылкой на британские СМИ.

По сообщению газеты «Дейли Мейл», ролики TikTok с хэштегом #Trans просматривались жителями Великобритании более 26 миллиардов раз. В таких видео молодые люди весело и беззаботно рассказывают о разных этапах приёма гормонов и необратимых хирургических операциях. Сообщается, что TikTok стал самым скачиваемым приложением в Великобритании в 2021 году.

Британские родители бьют тревогу, что приложение заставляет уязвимых молодых людей менять свою половую идентичность с пагубными последствиями на всю оставшуюся жизнь. По данным самого приложения, более 25% его пользователей – молодёжь в возрасте от 15 до 25 лет и даже дети 4-15 лет используют сервис в среднем 69 минут в сутки.

«Интернет-маркетологи используют эту силу, чтобы продать нам неудовлетворенность собой, а затем и лекарства от этой неудовлетворенности. Мы не можем контролировать доступ наших детей ко всем основным средствам массовой информации, но как взрослые мы обязаны их защищать от хищных маркетологов», – предупредила нью-йоркский журналист и блогер Дженнифер Байлек.

«Это уму непостижимо, что дети могут 26 миллиардов раз подвергаться калечащим половые органы операциям! И это бессовестно рекламируется транс-моделями и хирургами в соцсетях. Родители и опекуны должны вмешаться и стать «технополицией», чтобы уберечь детей от того, что им предлагают как «панацею» от их подростковых тревог», – добавила она.

А недавно соцсеть Tiktok объявила о начале сотрудничества с благотворительной платформой Stonewall, печально известной своей защитой ЛГБТ-ценностей, с целью продвижения материалов по трансгендерной тематике.

Как отмечает издание, до недавнего времени диагноз «гендерная дисфория» встречался крайне редко и почти исключительно у мальчиков до пубертатного периода.

Сегодня же преобладающей группой являются девочки-подростки после полового созревания, причём разновидность их гендерной дисфории не является традиционной, но, по мнению исследователя общественного здравоохранения Лизы Литтман, есть результат агрессивной транс-пропаганды в интернете.

СЛОВО АРХИПАСТЫРЯ

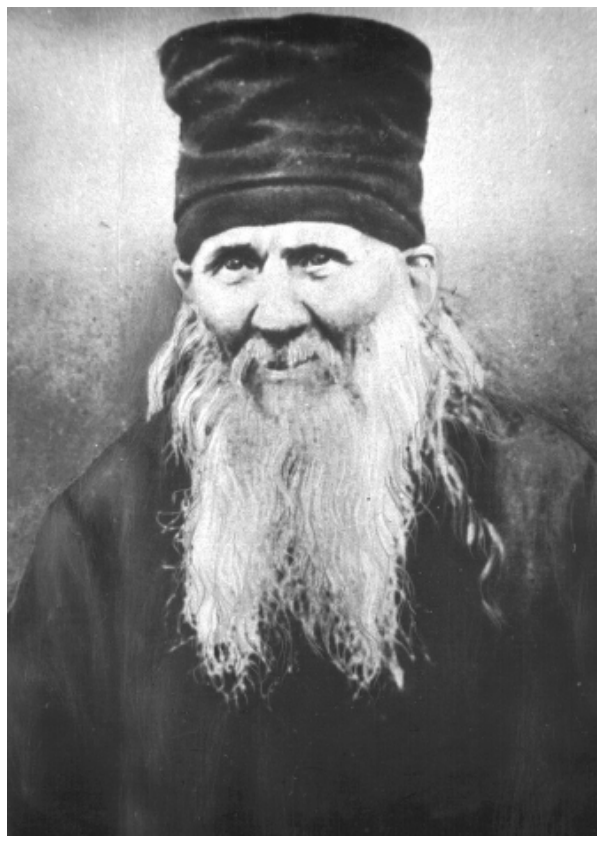
Популярное заблуждение

Митрополит Калужский и Боровский КЛИМЕНТ

Помимо молитв о вечной участи мы просим святых о помощи в нашей временной жизни. Но здесь надо проявлять рассудительность, чтобы не уклониться в суеверие.

В женском Шамординском монастыре в Калужской области особо почитают первоначальницу схимонахиню Софию (Болотову). После поездки в эту обитель паломницы делятся впечатлениями, рассказывают, что нового узнали: оказывается, молитвенные обращения к матушке Софии помогают выйти замуж.

Что мы знаем об этой подвижнице? Живя в миру, Софья Михайловна горячо мечтала о монашестве. Ее муж скончался после полутора лет брака. Вторично она вышла замуж вопреки своей воле, по прямому указанию своего духовника, преподобного Амвросия Оптинского. Человек, которого ей выбрал старец, был старше её, вспыльчив и болезнен. Второе замужество Софьи Михайловны тоже было недолгим и принесло ей много испытаний. Преподобный Амвросий велел ей пройти через этот брак, чтобы она приобрела духовную мудрость, поборов свой эгоизм, высокое мнение о себе, тщеславие, и научилась терпению, великодушию, состраданию. Старец предвидел пользу от этого замужества для возрастания в добродетели души будущей игуменьи, и его благословение оказалось промыслительным. Матушка София заботилась о спасении душ насельниц нового монастыря, многие из которых поступали в обитель с израненной душой и телесными немощами.



Преподобный Амвросий Оптинский. Прижизненное фото.

Так что будет неправильным утверждение, что почитаемая святой София Шамординская помогает выйти замуж, а принять монашество не помогает. С другой стороны, почему не помолиться о замужестве великомученице Варваре? Разве она не сможет откликнуться на эту земную просьбу несмотря на то, что сама не была замужем? Думаю, что сможет. Это заблуждение, когда святых распределяют: кому, о чем можно молиться. Будто в других вопросах они не способны помочь или остаются глухими к нашим просьбам.

В Церкви нет такой специализации как в больнице: мы идем на прием к окулисту, если надо поправить зрение, а при болях в желудке нам нужен другой врач. До такой степени упрощать наши молитвенные обращения к святым не стоит. Можно допустить, что по образу жизни или особому подвигу отдельным святым ближе и понятнее та или иная наша нужда. Например, святитель Лука (Войно-Ясенецкий), сам по профессии врач, и естественно, если человека постигла болезнь, он молиться святителю Луке. И вряд ли кому придет в голову молиться о исцелении святителю Григорию Богослову или святому князю Александру Невскому. Они, конечно же, способны помочь и в этой жизненной ситуации, но люди все-таки мыслят прецедентами. Если, например, ведется запись случаев благодатной помощи после молитвенного обращения к матушке Софии и замечается, что половина из них – это содействие в замужестве, то и другие будут молить святую об этом. Но если дать развиться мнению, что за каждую область отвечает свой святой, то это приведёт к язычеству.

Ведь помощь оказывает Сам Бог, а святой, если так выразится, ходатайствует перед Ним за человека, который просит его об этом. Исцеление от болезни и исполнение всякой потребности, совершает Сам Господь. Думать, что святой молится об одной проблеме, а о других – нет, потому что это «не его специализация», значит отвергать его предстояние перед Богом. Любого святого можно просить о любой своей нужде. Возьмем, к примеру, святителя Николая, с какими только просьбами к нему не обращаются, и Господь помогает.

Когда мы обращаемся за помощью к святым, главное вовсе не в том, чтобы найти из них самого «подходящего» ходатая для решения нашей проблемы. Нередко её корень находится в наших собственных неправдах, поэтому стоит посмотреть в свою душу, раскаяться в грехах, проявить решимость в исправлении. Но это тяжело, ибо требует духовной работы и ограничений своей воли. Куда проще совершить внешние действия – поставить, например, свечу перед «нужной» иконой.

По этой же причине люди прибегают к гаданиям, увлекаются гороскопами и прочими суевериями, которые совершенно чужды христианству. Это все те же попытки избежать внутренних усилий, заменив их внешним ритуалом.

Так происходит всегда, когда достижение земной цели для человека важнее спасения души. Если, например, замужество становится самоцелью, то девушка будет к этой святой приезжать и свечки ставить, и молиться только ради счастливого супружества.

Но если мы хотим получить помощь от Христа, то, прежде всего, надо стараться жить по-христиански. Мы можем просить, но должны и что-то делать, изменяться к лучшему, проявлять в жизни свою веру. Иначе получается, что Господь и святые нужны не для того, чтобы мы могли наследовать Небесное Царство, а для того, чтобы решить наши земные проблемы. Этот подход ошибочный, потому что на первое место ставится решение житейских вопросов, а то, для чего Господь пришел в наш мир, для чего Он создал Свою Церковь, в принципе игнорируется.

Разумеется, у христиан тоже есть проблемы, и они хотят их решать, и об этом молятся. Но христианин всегда помнит слова обращения к Богу: «Отче наш, …да будет воля Твоя!», – и решение своих проблем всегда полагает на Бога. Если Господь не устраняет скорбное обстоятельство, значит, надо потерпеть, смириться, что-то осознать, изменить в своей жизни. Но это не повод разочаровываться в Христе и Его Церкви. Если веру основывать только на чудесах, исцелениях, помощи святых, то, не получив просимое в Церкви, человек пойдет туда, где ему пообещают результат. Ведь ему нужен тот, кто решит проблему, а не Тот, кто спасет его душу. В итоге получается, что такой человек, по словам Христа, строит свой дом на песке. Пойдет дождь – будет не по его хотению, – и человек утратит веру, рухнут его надежды.

На первом месте у нас всегда должен быть вопрос спасения – выстраивания жизни по заповедям Господним. Иначе, какая польза человеку, если он получит исполнение всех своих желаний, но не приобретет самое главное сокровище – Духа Христа.

В эти дни мы подводим итоги прожитого года, смотрим, что удалось осуществить за этот год, а что так и осталось «на бумаге». Мы строим планы на будущее и надеемся, что Господь их благословит. И конечно мы стараемся осмыслить всё, что было хорошего в нашей жизни, а что в ней надо обязательно исправить. И так важно в этих размышлениях не упустить главного.

Преподобная София (Болотова), первая игумения Шамординского монастыря

ЖИЗНЬ В ЦЕРКВИ

О великой Крещенской святыне

Митрополит Калужский и Боровский КЛИМЕНТ

Вереницы людей выстраиваются около храмов в крещенские дни: все запасаются святой водой. Ее набирают даже те, кто в иное время в храме почти не бывает. О крещенской воде все знают, что она нужна круглый год, поэтому многие приходят с большими канистрами. Для чего же мы набираем Крещенскую воду?

Великой «агиасмой», в переводе с греческого – «святыней» называется вода, освященная в праздник Крещения Господня и накануне – в Крещенский сочельник, 18 и 19 января, в отличие от малой агиасмы, которую освящают в остальное время года. Чин малого освящения воды – «малая агиасма» – всем известен как водосвятный молебен, который совершается в некоторые праздники, а при необходимости, по просьбам прихожан – в иные дни. Как следует из названия, вода, освященная на этих молебнах, тоже святая.

Есть особенности в чинопоследованиях великого и малого освящения. Чин великого освящения торжественнее, молитвы в нем содержательней. К тому же во время этого чина читаются особые прошения, в том числе и на изгнание злых духов. Но сила святой воды не в чине, а в действии через неё благодати Божией. Благодать же подается по нашей вере. В обоих чинах вода освящается по молитве Церкви действием Святого Духа. Бог же всегда подаёт Свою благодать в избытке, а не порционно, в зависимости от объёма молитв.

Великое освящение воды не входит в число семи церковных таинств и таковым не называется. Но фактически это таинство, потому что любое действие Святого Духа является таинством, когда с тварным веществом соединяется нетварное действие Божие. Следует уточнить, что сила принадлежит Единому в Троице Богу. Нет отдельной силы Святого Духа, отдельной – Отца или Сына. Благодать принадлежит равно всей Пресвятой Троице. Однако иногда за богослужением можно услышать: «Благодать Господа нашего Иисуса Христа», – или: «Благодать Святого Духа». Если она подаётся нам через Святого Духа, мы говорим «благодать Святого Духа». Так и на освящении воды мы просим, чтобы Господь ниспослал Святого Духа и освятил нам «воду сию».

Помимо освящения воды в храме на Крещение существует традиция совершения крестного хода на Иордань. Это практикуется, если поблизости с храмом есть водоёмы – реки, озёра, источники. Там вода также освящается, и люди набирают её как святую. В советское время, когда многие храмы были закрыты, в отдаленных деревнях люди узнавали, во сколько будут освящать воду в реке выше по течению и, зная, как быстро эта вода дотечёт до их деревни, шли к этому времени на берег реки за святой водой. Так они проявляли благочестие. А те, кто был поусерднее, старались все же побывать в храме, чтобы помолиться за торжественной праздничной службой.

Часто спрашивают, правда ли, что в полночь на праздник Крещения Господня вода освящается повсюду: и в морях, и в реках, и даже в водопроводных кранах. Можно ли в это время набрать святой воды из любого источника?

Действительно, Господь Своим погружением в Иордан освятил не только его воды. Один из псалмов Давида содержит пророчество об удивительных явлениях, которые произойдут в физическом мире, когда он соприкоснется со своим Творцом, принявшим земную плоть: «Море виде и побеже, Иордан возвратися вспять» (Пс. 113: 3). Но это не та Великая агиасма, которая освящается в храме. Церковная традиция освящать воду на Крещение берёт начало именно от того события, когда Христос крестился в воде и этим освятил её.

Во время Великого освящения воды мы молимся, чтобы она служила освящению тех, кто её употребляет, чтобы была во оставление грехов пьющим её, во освящение кропящимся и помазывающимся ею. Поэтому недостаточно открыть ночью кран и набрать якобы святой водички. Исключение может быть сделано разве что для тех, кто абсолютно лишён возможности взять воду после совершения над нею чина Великой освящения. Остальным следует идти в храм и там брать воду, освященную через молитву и церковное богослужение.

Что же касается крестного хода на Иордань – это благочестивая традиция, подобно вертепам на Рождество Христово, которые ставятся около храмов и радуют нас своим видом. Но ведь мало полюбоваться ими, поставить там свечки, а нужно побывать в храме на богослужении. Так и здесь: можно сходить помолиться на Иордань, но не стоит упускать главное – молитву и освящение воды в храме.

В древности по церковному уставу вода освящалась в храмах только в Крещенский сочельник. Позже к этому добавилась традиция в праздник Крещения ходить для освящения воды к естественным водоёмам – рекам, озерам, родникам. Согласно современной практике, воду в храме освящают в течение двух дней – 18 и 19 января. Это породило ещё одно заблуждение, когда начинают усматривать различия в воде, освящённой в один из этих дней: спорить, какая из них «сильнее», называть одну «крещенской», другую – «богоявленской», приписывать им различное действие. Такие предрассудки бытовали в старину, когда неграмотные крестьяне считали, что одна вода предназначена для скота, а другая – для людей. Не стоит это вносить в нашу современную жизнь. Вся вода, освящённая в эти дни, имеет одинаковую силу и благодать Божию. Вся она служит на пользу человеку, приступающего с верой, и относиться к ней надо в равной мере благоговейно.

В древности на Руси благоговейное отношение к святой воде доходило до такой степени, что перед тем, как её выпить, нужно было прочитать ряд молитв и только тогда принимать её строго натощак. Старообрядцы и поныне продолжают так относиться к святой воде. Благоговение перед великой агиасмой было настолько высоко, что в дониконовские времена бытовала ещё и такая практика: если человека не допускали до причастия по той или иной причине, то, прочитав соответствующее правило, он мог причаститься святой водой. Все понимали, что это неравноценная замена причастию Тела и Крови Господа Иисуса Христа, но это совершалось, чтобы христианину не оставаться без святыни долгое время.

И поныне верующие сохранили такое благоговейное отношение к крещенской воде, что её пьют только натощак, но её можно пить и при возникновении потребности, например, при болезни, перед или после операции, помолившись, можно выпить крещенской воды. Но принимать её надо как великую святыню: с благоговением и молитвой, а не просто сделать несколько глотков на всякий случай. Можно запить святой водой лекарство, чтобы Господь помог не только через врача, который это лекарство выписал, но и непосредственно Своей силой, подаваемой Им через святую воду.

Обычно святая вода не портится годами, а иногда она вдруг позеленеет, или осадок выпадет, или иначе изменится. Многих это смущает, и они говорят: «Это мне по грехам», «За мое недостоинство не хранится у меня святыня!» Но освящение воды не даёт гарантию, что она не испортится. Освящение – это не консервант. Так что если вода изменилась и её пить нельзя, можно использовать её для окропления жилища, одежды, домашних предметов обихода, или вылить в чистое, не попираемое место. А что касается греховности, то мы все грешные, и нет такой градации грехов, что от одних святая вода зеленеет, а от других – нет. Важно сохранять веру, а когда мы чувствуем свою греховность, то прийти к священнику и покаяться.

Для чего же надо пить святую воду каждое утро в продолжение всего года? Мы принимаем её из желания, чтобы Христос освятил наши мысли, слова и поступки, чтобы Он действовал в нас. Есть и другие способы получить благодать Божию. С этой же целью мы молимся, читаем духовную литературу, посещаем богослужения, участвуем в таинствах, прикладываемся к иконам, держим пост, максимально используя все доступные нам средства, чтобы оставаться в единении с Богом.

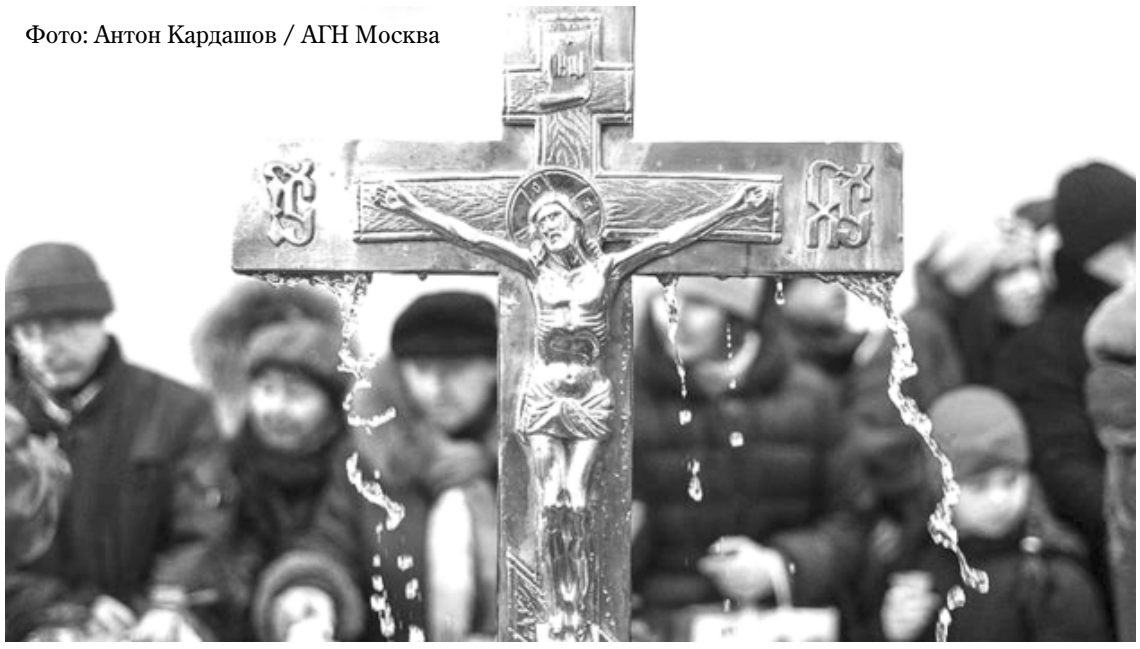


Фото: Антон Кардашов / АГН Москва

Патриарх Кирилл: мы должны молиться о нашей Церкви

МОСКВА. В своем слове после Божественной литургии в Крещенский сочельник 18 января Святейший Патриарх Кирилл уделил особое внимание значению Божественной благодати и Вселенской Православной Церкви, через которую эта благодать преподается людям.

«Наша молитва сегодня о всех и за вся, за всё Божие творение, чтобы Господь хранил его от злого человеческого умысла, от стремления людей получать от творения Божия как можно больше, не заботясь о самом его существовании, повсеместно его загрязняя или уничтожая».

Мы должны сегодня молиться и о Церкви нашей, и о всех Церквах Православных, потому что через Вселенскую Православную Церковь передаётся Божественная благодать людям, – чтобы никакие расколы, разделения не превратили ту или иную Церковь в нечто лишенное Божественной благодати.

Мы знаем, что от Бога отступают и лишаются Его благодати не только люди, но даже Церкви. История знает много примеров такого отступничества, когда целые христианские общины отступали от веры, искажали истинную веру, вступали в расколы, соединяясь с людьми, не имевшими дар Божественной благодати. Вот и сегодня есть угроза, что часть Православия, под влиянием внешних могущественных сил, может быть уязвлённой этим грехом и уйти от Источника жизни вечной в то место, где есть только обряд, но нет Спасения. Вот почему мы особенно призываем сегодня тех, кто ещё раздумывает, с кем быть – с Церковью или с расколом.

Братья и сестры, это не просто выбор человеческий, это не выбор места проживания, это не выбор, куда пойти – направо или налево. Это путь к спасению или к гибели, потому что путь, который уводит нас от Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви, лишает нас благодати Божией.

Новак Джокович посетил монастырь и встретился с митрополитом

ОСТРОГ. Первая ракетка мира теннисист Новак Джокович посетил монастырь Острог, где поклонился мощам святителя Василия Острожского чудотворца. В монастыре, депортированный накануне из Австралии спортсмен пообщался с митрополитом Черногорско-Приморским Иоанникием и братией обители в монастырской трапезной. Их разговор коснулся последних событий и искушений, через которые за последний месяц прошел Джокович.

Митрополит Иоанникий пожелал сербскому спортсмену поскорее вернуться на теннисную площадку и начать заниматься тем, чем он прославил не только себя, но и свой народ и страну. В знак молитвенной памяти и благословения он подарил Джоковичу икону святителя и чудотворца Василия Острожского, чтобы святой стал для него помощником во всех добрых начинаниях.

ЖИЗНЬ В ЦЕРКВИ

Что необходимо для вечности

Живёт человек ради жизни: растит детей, пытается заработать, по силе творит добро, где может – избегает зла. Порой избежать не получается. Тогда – покаяние, избавление своей души от вреда, собственноручно ей причинённого. Достаточно ли этого для спасения? Приемлем ли такой образ жизни для православного человека? – С этими вопросами мы обратились к кандидату богословия, преподавателю Догматического богословия в Калужской духовной семинарии, настоятелю храма святых равноапостольных Владимира и Ольги, протоиерею Дмитрию МОИСЕЕВУ.

– Отец Дмитрий, как человеку начать спасаться?

– Святитель Игнатий (Брянчанинов) пишет, что для того, чтобы спастись, человеку достаточно православной веры, исполнения заповедей, покаяния в том, где он их нарушает. А есть другая сторона христианства, которая называется христианским совершенством. Для его достижения нужно трудиться намного сильнее, нежели для того, чтобы достичь только спасения.

Говоря об этом, святитель Игнатий опирается на известный эпизод из Евангелия, когда к Христу подошёл юноша и спросил: Господи, что мне делать, чтобы спастись? Господь говорит: соблюди заповеди: не убей, не укради и прочие. Юноша ответил, что всё это он сохранил с юности. Тогда Господь ему сказал: если хочешь стать совершенным, пойди, продай своё имение, раздай нищим и иди вслед за Мной. И юноша опечалился и отошёл, потому что уже на полное посвящение себя Богу он был неспособен.

Святитель Игнатий довольно часто говорит о том, что одно дело – спасение, которое доступно многим христианам, и другое – совершенство, которое доступно избранным, но к которому, тем не менее, призывается каждый христианин.

Поэтому в принципе жизнь в Церкви – участие в Таинствах, соблюдение заповедей, понуждение себя к доброделанию, покаяние в тех ситуациях, когда человек нарушает заповеди, – это тот образ жизни, который, действительно, приемлем для христианина.

– Разве спасение, как и совершенство, не есть «следование за Христом»?

– Спасение, конечно, есть следование за Христом, потому что на самом деле в повседневных житейских обстоятельствах соблюдение заповедей – не такая простая вещь. Хорошо нам, сидя за столом, рассуждать: давайте не будем друг друга обманывать, не будем воровать, осуждать, лениться. Но в жизни каждый человек сталкивается с разной степени силы искушениями, которые пытаются сбить его с этого пути.

Да, человеку доступно покаяние, но чтобы раскаяться, надо увидеть своё отступление от заповеди, осознать его и, по крайней мере, честно себе сказать: пытался ли я избежать этого искушения, преодолеть его, или нет.

Как видим, даже спасение – хотя и доступная вещь, но не простая. В то же время, весь Новый Завет говорит нам о том, что христианин призван к совершенству. То есть, каждый из нас призывается стремиться к тому, чтобы вся его жизнь была посвящена Богу. И это уже та высшая цель, ради которой человек и должен жить. Первым шагом человека на пути к этой цели будет жизнь «с минимальными требованиями».

– Уже при такой жизни человек «обоживается»?

– Обожение – это соединение с Христом, причастие Богу. Спасение без обожения невозможно. Одно без другого не существует: спасение есть обожение, обожение есть спасение. Другой вопрос, где лежит та граница поведения человека, на которой Господь уже даёт человеку возможность быть причастником Самому Себе. Господь говорит, что граница лежит на уровне соблюдения заповедей: насколько человек понуждает себя к этому.

Христос и богатый юноша

– Самое главное в спасении – исполнение заповедей?

– Есть такой момент: человек, который искренне исполняет заповеди, увидит, что он далеко несовершенен в их исполнении. Даже внешне не всегда получается их исполнять, не говоря о том, чтобы исполнить их внутренне. Потому что я могу, к примеру, не украсть у соседа сто рублей, но могу захотеть их украсть. Может быть, остановит не столько то, что есть заповедь Божия «не укради», сколько то, что меня уличат, накажут. То есть, есть множество сдерживающих факторов, которые не позволяют человеку нарушать заповеди, по крайней мере, явно, но все эти факторы никак не связаны с христианством. А Господь говорит о стремлении исполнять заповеди Божии именно ради Бога. Не из какого-то страха или коммерческого интереса, а именно ради Христа.

– Цель христианской жизни – спасение. Некоторые христиане на этом пути достигают совершенства. Говоря о средствах достижения этой цели, вы сказали об исполнении заповедей и покаянии.

– Есть ещё два таких важных момента, как молитва и пост. Пост – не в узком смысле слова: соблюдение предписанных Церковью постов, а вообще воздержанность во всём. Преподобный Максим Исповедник говорит, что любой грех основывается либо на стремлении человека к наслаждению, либо на стремлении избежать страдания. Чем сильнее зависимость от комфортного состояния, тем труднее исполнять заповеди, потому что очень часто в жизни так бывает, что, к примеру, кусок хлеба у человека есть, но он хочет намазать на него красную икру. Денег на это не хватает, заработать сейчас на красную икру нет возможности, а украсть – можно. И если человек не может спокойно переносить это состояние несоответствия своих возможностей своим желаниям, он пойдёт на грех: украдёт деньги или иным обманным путём их получит.

Для того, чтобы научиться не совершать грех, нужно научиться ограничивать себя, свои желания, стремления, свои, по сути, страсти. Потому что стремление съесть бутерброд с икрой – это не потребность организма, а, скорее, чревоугодие.

– Бороться со страстями можно только с помощью силы воли? Или ещё, может быть, с помощью молитвы, обращения к Богу за помощью?

– Конечно, с обращением к Богу за помощью. Потому что молитва и собственные аскетические усилия – это два крыла. Невозможно работать только одним. Если я буду молиться, но при этом сам ничего делать не буду, то Господь за меня тоже ничего делать не будет. Если я буду пытаться всё делать сам, не обращаясь за помощью к Богу, у меня тоже ничего не получиться. То есть, я должен пытаться что-то делать, и при этом молиться, чтобы Господь мне помог, укрепил. Только в таком соработничестве с Богом возможно какое-то духовное движение.

– Часто смущает, что мешают всегда одни и те же ошибки и грехи. Покаялся, причастился, – через день всё вернулось.

– Это можно назвать страстью получения немедленного результата. А когда от нас требуется длительное усилие и в то же время неявное, очень мало кто способен с постоянством над этим работать. Многие страсти не врачуются за неделю, за месяц, или даже за годы. Нужно быть постоянным в этом движении избавления от страсти. Более того, святые отцы говорят, что если мы будем двигаться в правильном направлении, то мы увидим в себе намного больше страстей. Потому что, научившись справляться с какой-то мелочью, в нас тут же откроется видение других наших страстей, которые мы раньше не замечали, но которые открываются по мере нашего приближения к Богу.

У святых отцов можно встретить сравнение: если рассматривать некий предмет в полумраке, он покажется идеальным. Стоит вынести его на свет, увидим множество мелких царапин, повреждений и других недостатков, которые в полумраке были незаметны.

То же можем сказать и о себе: когда мы далеко от Бога, то видим в себе только крупные несовершенства, явные пороки. Когда начинаем исправляться, и тем самым приближаться к Богу, то при свете Божией благодати начинаем замечать в себе намного больше недостатков, которых раньше просто не видели. Поэтому святые отцы, действительно, великие чудотворцы, которые совершали немыслимые для нашего времени подвиги, тем не менее, говорили о себе, что они «никуда не годные», что «все спасутся, один я погибну», «куда будет ввержен сатана, туда буду ввержен и я». Человек, находящийся на правильном пути, никогда не увидим себя чистым, совершенным, бесстрастным. А если он видит себя таковым, значит, он находится на ложном пути.

– У православного человека может быть хобби?

– Может, но относиться к этому как к чему-то необходимому, думаю, не стоит. Вполне возможно, что человек утром сходил на Литургию, днём занялся полезной деятельностью, вечером у него осталась пара часов свободного времени, и он их посвятил чему-то, что ему, в земном плане, интересно.

Другой вопрос, что так незаметно человек может впасть в зависимость от своего занятия. К примеру: встанет выбор – пойти в больницу, помочь больному человеку, или же пойти на лекцию главного вышивальщика, который единственный раз посетил наш город и даёт единственную лекцию.

Вопрос в том, что тогда человек выберет в такой критической ситуации. Нужно об этом помнить и ни к чему не иметь пристрастия. Иначе наше хобби постепенно и незаметно превратится в страсть, которая проявит себя в самый неподходящий момент. Апостол Павел не зря же говорит: всё мне позволено, но не всё полезно, всё мне позволено, но ничто не должно обладать мною.

– Выпало свободное время, и человек задумывается – помолиться ли, почитать святых отцов, поразбираться ли в событиях и новостях, порой скандальных, текущей церковной жизни.

– Здесь надо различать, что тебе необходимо, что на твою жизнь оказывает влияние, и что тебя не касается никак. Потому что эту параллель можно продолжить и дальше: начать разбираться не только в церковных проблемах, но и в государственных, в экономических, прочих. Проблема современного мира в том и заключается, что человек поглощает огромное количество информации, совершенно ему не нужной, и потом пытается найти для себя оправдание: почему он не читает Евангелие, почему не молится – да ведь ему некогда, он следит за последними событиями в Москве, в Киеве, в Америке, в Израиле и далее по списку.

Человек должен понимать главное: Евангелие ему необходимо. Святые отцы – необходимы. Актуальные церковные проблемы – в какой-то мере могут быть необходимы, если они затрагивают лично человека и его окружение. Тогда в этом надо разбираться, надо их решать. Если человек совершенно никак не может повлиять на эти проблемы, но тратит время на вникание в их подробности, то, скорее всего, здесь будет иметь место простое любопытство. Тогда это – пустое времяпровождение.

Беседовала Юлия БЕЛКИНА.

СВОЙ ВЗГЛЯД

Путь за пределы самой себя или Дай сердца твоего коснуться сердцем

В одном мгновенье видеть вечность,
Огромный мир в зерне песка,
В единой горсти — бесконечность
И небо — в чашечке цветка.
Уильям Блейк.

Вот и опять весна! День сегодня такой добрый: солнце льётся во всю ширь моего окна. И воздух такой дурманный, какой только весной и бывает. Но всё реже во мне появляется смутное беспокойство птицы, которой пора отправляться в полёт, чтобы исполнить дело, предназначенное ей природой и жизнью, как бывало со мной прежде, в юности.

...Моё Небо – мой потолок. Где-то там ветра и туманы, движение, многоцветность мира, и мир этот – мимо меня. Когда ты родился больным и это уже навсегда, то кажется, что так и должно быть, и все привыкают, и сама привыкаешь. Вот только тревожный весенний зов наполняет душу смутой и тоской по чему-то неведомому, да ещё когда весенний летний вечер приносит с другого края города звуки духового оркестра с танцплощадки горсада...

Но и это с возрастом проходит. Всё, к счастью и к сожалению, проходит. Вот эта мысль о каждом уходящем мгновении тревожит меня теперь. И мне кажется, что ещё чуть-чуть напряжения – и я пойму самую главную тайну человечества: для чего мы живём? Во что обращаются наши находки и потери?

В юности я думала: люди созданы природой для продолжения самих себя и бессознательно всегда идут к этому. Во мне тоскует природа, что я не могу восполнить её. Но ведь природа не терпит пустоты. Там, где подводит тело, должен с ещё большей остротой жить дух. И, значит, моя жизнь тоже имеет своё предназначение? Вот только бы понять – в чём? Для чего? И как обретается дух?

Мой городок, в котором я родилась, остался за пределами моего бытия. Я видела его лишь в редкие часы своих поездок на машине, и мне кажется, живи я в другом городе, я была бы такой же, как сейчас. Зримый его образ сложился в моей памяти как нечто патриархальное. Его улочки, дома, где всё на горе или под горой, навевают настроение покоя, уюта, тишины, и постоянный гул автомобилей за моим окном не разрушает этого представления.

Тишина и покой побуждают к работе мысли, настраивают высоко, философски, но они же способствуют лености и вялому образу жизни. Всё двояко в этом мире. Но человеку дано выбирать. И я склонна думать, что не бешеные темпы, ритмы, смена впечатлений определяют напряжённость жизни человека. И что на ленивую душу даже Москва будет навевать деревенский сон. А значит, обстоятельства не определяют судьбу, они только испытывают?

И человеку дано выбирать, чтобы узнать предел своих возможностей?

Однако, возможно ли это – подняться выше потолка?

И где он, тот потолок, – над головой или в душе?

В Москве живёт моя подруга. Окончила Строгановское училище. Человек, профессия которого — украшать. Всегда унылым голосом рассказывает мне о своей работе, о столичной сутолоке, давке в метро и автобусах, как ни в чём проходят её дни, как быстротечно время... Стоп! Вот на этой мысли мы с ней встречаемся. А потом опять расходимся. Она считает, что раз уж не повезло и мы не отмечены божьей метой, и нас не мучает талант с пяти лет, как Чайковского, например, то и нечего из себя давить – масло из кирпича не выдавишь, такое только в сказке бывает.

Хорошо, что мы не встретились в моём прошлом, когда я впервые взяла в руки карандаш и попробовала рисовать – рисовать плохо, беспомощно и, казалось, безнадёжно. Теперь мои друзья прошлых лет признаются, что свысока посматривали на мои первые рисунки и поражались, зачем я занимаюсь не своим делом. Нет, во мне не было потребности рисовать, но была неистребимая жажда самоутверждения, желание что-то делать, действовать – найти своё ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ.

И да здравствует вечный зов юности, который гонит нас за горизонты земли и самого себя, чтобы познать, понять, осуществиться! И благословен тот, кто услышит его в себе – в этом смысле я человек счастливый.

И потому уж в который раз брала я безгласный, бездыханный в своей белизне лист бумаги и копировала то, что попадало в поле зрения, веруя, что вот это и есть искусство, что вот если однажды получится у меня каждая прожилка на листке цветка, каждая веснушка на лице соседки – вот это и есть предел мастерства. Цветок получался «как живой», и все ахали, как похожа соседка на моём рисунке, только дыхания в них не было.

Нет, не с умения воспроизводить натуру начинается художник. «Зорко одно лишь сердце – самого главного глазами не увидишь», – говорил мудрый писатель Сент-Экзюпери. Сколько времени прошло, прежде чем я увидела мир в линиях, очерчивающих формы! Эта линия плавная и нежная, если она – девушка, мать, ребёнок, тревожная и напряжённая, если она – плач, горе, боль, изломанная, кричащая, если она – война...

А пока...

И отчаяние, и страдание, и слава, и власть – всё приходит к человеку для испытания. Ты скажешь: «Тебе хорошо, ты сильная от корней, потому тебе хочется преодолевать свои барьеры, оттого твои рисунки жизнерадостны. Но если человек по натуре рохля, пессимист, в общем, не борец?..»

А знаешь, из детства я вынесла одно самое острое ощущение – ощущение своей беспомощности, беззащитности. Наверное, потому, что среди детей чувствовала себя «белой вороной», не было непосредственности детства, жизни взахлёб. Легко могла заплакать, но не умела легко рассмеяться. Стоило остаться одной, огромный страх расползался по всем уголкам моего маленького существа. Так и сидела, боясь пошевелиться, пока кто-то не придёт, чтобы нарушить жуть моего одиночества. Мир казался непонятным и потому грозным, извергающим отовсюду опасность, беду. Вокруг бегало, прыгало, хохотало босоногое детство. Как птицы на ветке, сидели мы на нашей дворовой лавочке, но вот заводила пошептал что-то в одно ушко, в другое, и вся стайка – порх! – улетала неведомо куда.

...Одиночество заставляет страдать, но одиночество способствует размышлению и мудрости. Всё двояко в этом мире, и я выбираю НАПРЯЖЕНИЕ.

Не знаю, в какую минуту приходит осознание самого себя, конечно, к каждому в своё время, да и не вдруг, не сразу, но понимаешь, каким тебе хочется быть.

Даже в самом малышовом возрасте – я это видела – люди ценят силу, сначала физическую, взрослея, – силу ума, таланта, старея, – силу понимания, добра...

Они любят тех, кто весел, они тянутся к тем, кто излучает бодрость, с кем надёжно, интересно, кто их поймёт. И чтобы вырваться из плена своего одиночества, мне надо стать такой. И люди придут ко мне. Через их судьбы, их ощущения, дела, мысли я проникнусь тем миром, который для меня за горизонтом. Всё будет... А пока – книги. Долгое время бывшие для меня развлечением, они однажды явили всю свою бесценность.

Книги – мировая душа человеческая со всеми её бедами, противоречиями, катастрофами, идеями, озарениями, в соприкосновении с которыми наполняется твоя душа их опытом, мудростью понимания. Когда так много носишь в себе, то невозможно жить со своим «сундуком», никому ничего не отдавая. И когда есть что сказать друг другу, жажда общения неизбежна. Меня любили и забывали, и приходили новые люди, и уходили порой навсегда, и опять приходили...

Кто знает, сколько прошло их через мой дом: юных и зрелых, счастливых и несчастливых, довольных и неудовлетворённых? Кто подсчитает, сколько мы отдали друг другу мгновений радости и печали, открытий и надежд? И я узнала счастье быть нужной – самое большое счастье в человеческой жизни. И я поняла, что если очень устанешь, то не сильного надо искать, чтобы прислониться, а слабого – отчаяние другого, ищущего в тебе поддержку, мобилизует твои силы. Но я убедилась, что если человеку всегда подставлять плечо, то он так и не научится сам стоять – участие не всегда несёт в себе добро. И я узнала, что непримирима к людям безвольным, что готова простить неудачи человека, но лишь когда он ищет, напрягается, сопротивляется обстоятельствам, это его оправдывает, но нетерпима к живущим «по воле волн». «Я такой, потому что меня так воспитали», – я слышала это всеоправдывающее кредо от других, но моя душа противилась ему, потому что я поняла: человеку дано выбирать. Я выбираю ЛЮБОВЬ. И любовь наградила меня, дав мне десять ушей, двадцать глаз, сто сердец, и потому так многолико раскрылся мир и все чувства – в меня. Я обрела способность ощущать его сердцем поэта из «Евгения Онегина», маленького доброго несчастного человека из чеховских рассказов, метаться сердцами «Трёх сестер», мечтать, как Ассоль, страдать от своей мудрости, как Маленький Принц, заплакать слезами своей подруги... И вдруг – утратить ощущение всех запахов, звуков, красок со смертью любимого человека.

...Два года я рисовала только цветы, чтобы в буйстве красок, линий, форм вновь обрести утраченное. И сколько раз в эти минуты мне казалось: «Вот и предел, зачем любить, если так горько от обид, потерь, разлук, которые приносит любовь, зачем мне сто сердец, если и в одном столько муки, зачем всё – если смерть...» Цветы получались яркими и печальными на трагическом чёрном фоне, но в них назревала душа.

Жить – это медленно рождаться. Благо человека, если муку своего рождения он сможет обратить в радость. А любовь снова возрождается из пепла и зовёт, тревожит. В каждом прикосновении к жизни меня хоть чуть-чуть, но

Продолжение на стр. 7.

Людмила Киселёва. Деревенька моя.

РОД ОСОРГИНЫХ

Антонина Михайловна Осоргина родилась 1 июня 1901 года в имении Сергиевское Калужской губернии в семье действительного статского советника, предводителя уездного дворянства Михаила Михайловича Осоргина и Елизаветы Николаевны, урожденной княжны Трубецкой. О жизни семьи в Сергиевском, где она получила прекрасное домашнее образование и сформировалась как личность, Антонина Михайловна оставила свои воспоминания. Сегодня мы предлагаем их вашему вниманию.

СЕРГИЕВСКОЕ

Сергиевское… «невозвратимо пережитое, счастливое, любимое». Здесь, под Калугой, в родовом имении Осоргиных прошло детство Антонины Михайловны (1901-1985). После выезда семьи во Францию, А. М. Осоргина преподавала русский язык и литературу, выучила не одно поколение русских детей в Париже. Закончила свой путь она как монахиня Серафима Покровского монастыря в Бургундии. В её воспоминаниях, полных нежности к родной земле, чувствуется глубокая связь с Россией и понимание её души.

Сергиевское. Усадебный дом.

21 октября 1918 года, Измалково

Мне хочется всё забыть и очутиться дома, но не этим летом, не в прошлом году, а давно, давно, в хорошие времена. Сейчас из окна я увидела верхушки ёлок, которые все вместе качаются как-то необыкновенно хорошо и похоже на наши ёлки на дворе.

Зима. Рождество. Мы недавно вернулись с катанья и пьём чай весёлые, возбуждённые с ещё холодными и постепенно разгорающимися щеками. Мы опоздали и для нас зажгли лампу, что делает этот средидневный чай каким-то весёлым и особенным. В столовой светло и весело, в гостиной темно и только в полосе света из двери сверкают украшения на ёлке: запутанные и перекрученные солнце, луна и звезды, серебряные цепи, Серёжины вертящиеся солнца, а внизу, под ветками на длинных, белых шпиках, золочёные орехи. Папа и Мама, конечно, не катались и давно кончили чай. Мамака работает, Папа ходит по комнате и, изредка подходя к столу, руки в карманах панталон, расспрашивает, где мы были. Я не знаю, кто именно входит в состав слова «мы» – может быть, гости, может быть, Гагарины, а может быть, одни сестры и братья – но, во всяком случае, нас много и нам очень хорошо и весело.

Я уже кончила чай и встаю из-за стола. На дворе по-зимнему и морозно, залаял Нерон. Я подхожу к окну и сразу вся окунаюсь из света и шума в атмосферу синих, зимних сумерек. Я прижимаюсь лбом к стеклу и опускаю за собой занавеску. Уже совсем стемнело; небо низкое, низкое, совсем без звезд. Над левой клумбой около ворот намело большой сугроб снега. Страшный ветер; весь круг и крыша курятся. Налево от ворот сюда ёлки жутко качаются и гнутся. Кто-то, скрипя по снегу, прошёл по дороге на подъезд и хлопнул входной дверью. Нерон замолчал. На детском подъезде Павел Шорохов гулко перебрасывает дрова.

А то вот совсем другая картина. Весна. Я одна вышла на крыльцо вечером и, закутанная в Мамашину ротонду, села на ступеньку между колонн, подумать, послушать, посмотреть. Со всех сторон двора, со всех крыш несётся радостный, несмолкающий звук капель, торопливых, не в такт, перебивающих друг друга. Совсем темно, небо высокое и звездное. С того крыльца, с поднятыми ушами и заинтересованным лицом перебирается по доскам Неронище и, обнюхав меня и повиляв хвостом, грузно ложится рядом со мной. В буфете свет; в освещённом квадрате я вижу талый снег, лужу, немножко навозную, потому что она перед подъездом, часть доски и кусочек уже оттаявшей желтой дороги. Я чувствую запах весны, полный широкий воздух, который обязательно трогает моё лицо, чувствую запах мокрого снега, ёлок, и непосредственно около моего лица запах нафталина от мохнатого воротника Мамашиной ротонды.

Сквозь шум ветра и звук капель я слышу какие-то голоса около конторы, потом под воротами; Нерон насторожился; сначала звук шлепанья мокрого снега, потом сапоги по доскам; спешно докуривая папироски и разговаривая в полголоса между собой идёт к Папа контора. Я не хочу, чтобы они меня видели, быстро встаю и вхожу в дом.

II

Я совсем, совсем ещё маленькая; мне не больше семи-восьми лет. Я всегда рано просыпаюсь и теперь лежу уже давно в своей кровати в нетерпении начать свой день. В комнате начинает светать; передо мной два полукруга окон над ставнями, который бессмысленно, но непреодолимо притягивают мои глаза. Няня и Мария ещё спят. В доме постепенно начинается жизнь. Я слышу, как открывает дверь в игральной – Павел Шорохов идёт топить печи; сначала он с грохотом бросает вязанку дров на пол, потом треск ломаемой лучины, потом звук постепенно разгорающихся дров. Часы в игральной бьют 7. Мы ещё такие маленькие, что истопник без церемоний входит к нам, пока мы лежим в кроватях и затапливает у нас. Я вижу его освещённый профиль, пока он, сморщившись, подкидывает дрова в печь. Я смотрю, приподнявшись на одном локте, на печку, на дрожащий свет на полу, и, стараясь попадать в треск дров, чтобы не производить лишнего шума, грызу баранки-сушки с маслом, которые мне тут же принесла наша девушка; я худенькая, слабенькая, и меня всегда подкармливают в постели.

Павел ушёл; я слышу, что девушка – Маша уже убрала игральную, а до вставания ещё далеко. Я не могу больше терпеть, надеваю туфли и закутываюсь покрепче в халат, выскальзываю на цыпочках из комнаты.

В игральной только что закрыли форточку и очень холодно. Я вижу в окно, что за ночь выпало много нового снега; из трубы над классной ветер рвёт и крутит дым во все стороны. С чувством, что я делаю запрещенную вещь, я пробираюсь дальше. Всюду тишина, только дрова потрескивают; у Георгия в комнате мелко и часто дрожит и постукивает дверца печки. Я иду через девичью, коридорчик, и сажусь на корточки перед Серёжиным шкапом. В гостиной свет; лампа стоит на полу, там тоже убирают; мне странно дует в босые ноги. Кто-то, вероятно Стефан-дворник, вошёл в тамбур «между дверьми» и накачивает воду. Мне грозит опасность, что он откроет входную дверь и отрежет меня от сообщения с детской. Одна из девушек с лампой начинает спускаться по лестнице в коридор; я стремглав лечу к себе.

Мы встали, оделись и уже кончили первые уроки. Нас ведут гулять. Теперь наденешь шапку и шубу и выходишь – а тогда это было целое событие. Няня энергично надевает на меня панталоны, гетры, валенки, беленькую поддевку – ещё платок Мама велит подвязать под поддевку в холодные дни – белый барашковый капор и башлык крест на крест. Идём мы гулять и ведь совсем другое отношение, другая точка зрения на ёлки в снегу и инее, на самый снег, который мы мечтаем и не смеем тронуть голой рукой, и на длинную, длинную аллею сада – и на всё вообще. После завтрака мы с завистью смотрим, как «большие» едут кататься «на Палыче» и на «больших лошадях». Нас иногда тоже катают, но всегда на Ленивчике, в розвальнях, то, что называется «трюх-трюх». Иногда Мамака ездит с нами, иногда маленький, завязанный белым башлыком так, что только узкий красный овал от его лица остался. После чая я всего один час учусь. У Марии уже более серьёзные уроки, и пока она занимается с одним из студентов Георгия, я, стараясь не шуметь, играю в куклы. Под желтым пеленшиником, в полной темноте – комната моей куклы Сони, подаренной дедушкой; там плетеный соломенный диванчик – её постель, полосатое вязаное одеяльце и – верх роскоши – кривое зеркальце от Александра Захарова. Я играю и урывками слушаю урок Марии; помню, как меня повергали в полнейшее недоумение слова «причастие» и «деепричастие», и я всегда думала о таинстве причащения.

Первая труба. Я быстро мою руки в тёмной комнате и всё время оглядываюсь на занавеску заколоченной балконной двери, где, я уверена, что кто-то сидит. Мария всё ещё учится, а я иду через Георгину комнату со звоном открываю дверь спальной и вхожу к Мама. Переложив рука через руку мелко-мелко и очень быстро, Мамака пишет письмо; я долго смотрю на её руки, почерк, лицо, волосы, золотую цепочку с передвижным кружком и мне так хорошо, что даже хочется реветь. Мамака кончила, расписалась, поставила точку и, дав мне облизать марку, запечатала уже приготовленный конверт. Мы идём обедать. В гостиной девочки, обе в одинаковых платьях, с одинаковыми большими причёсками, обе миленькие, играют в четыре руки. Свечи отражаются в зеркале и на крышке фортепьян. Маленький с папироской ходит взад и вперед по комнате…

III

6 ноября

Я стою в гостиной, вечером, часов в 5 дня. Август в последних числах. На воздухе тепло, тихо, постепенно заходит солнце. Дверь на террасу открыта и одна из кисейных занавесочек, с которой спустилась и упала перевязка, тихо двигается взад и вперед от вечернего мягкого ветерка. Льяна играет на фортепьянах. Чтобы не пропустить ни одного звука, не потерять впечатления, я иду в столовую, гостиную теперь. Я встала на колени на вольтеровское кресло, облокотилась на подоконник и вся окунулась взглядом в бесконечную, зелёную, уже темнеющую аллею сада. И я смотрю глубоко и далеко в эту бездонную зелень и кажется мне, что от красоты этой и от звуков, со всех сторон охвативших меня, всё больше и выше растёт во мне душа. И я задыхаюсь от красоты, счастья и какого-то чудного, высокого чувства. Я не знаю, что именно играет Льяна – может быть сонату Бетховена, а может быть, скорее даже, моего страстного бурного Шумана, 12 музыкальных этюдов. Эти нежные, увлекающие, могучие звуки – ах как люблю я их! – Льяна кончила. Я не хочу расстраивать моё настроение и почти бегу на подъезд; хлопнула за мною входная дверь, а я с опрокинутой назад головой сбегаю со ступенек крыльца. Высокое, высокое небо чистое, голубое, светлое, высоко реют ласточки и с визгом ныряют через двор в свои гнезда над окнами. Вот она аллея, жёлтая дорожка, по которой упруго и легко идут мои ноги; я почти бегу. Средняя скамеечка, церковная дорожка, ворота, а вот я уже за садом, подхожу к сводке и почти кричу, задыхаюсь от восторга. Красные лучи заходящего солнца совершенно преувеличенно

Продолжение на стр. 8.

Путь за пределы самой себя или Дай сердца твоего коснуться сердцем

Окончание. Начало на стр. 5.

ударяет её током. И тогда в невыразимой глухоте мира слышится сердцебиение людское. И потому, что бы там ни было, я подписываюсь под словами Экзюпери: «Самая большая роскошь – это роскошь человеческого общения», – потому что только рядом с другими узнаёшь цену себе и силу свою, только с другими рождается твоё «я», когда уже не только СВОИМ горем живёшь, а болью всех, кто страдал, когда не только СВОЙ день жизни заботит, а земной человеческий день. Незаметная точка на огромной географической карте – мой город. Невелики события его жизни. Но если моё сердце причастно к миру, то сжимается оно, узнав о трагедиях на другой половине земного шара. И тогда маленький дом вырастает до необыкновенных размеров И неважно, в огромном городе ты живёшь или в селе. Если сердце причастно... И никакая тяжесть условностей, притягивающих меня книзу, не может согнуть, потому что я больше не бесформенный комочек глины-плоти, а частица мира, без которой мир и не существует. Это ощущение пришло ко мне неожиданно в нашем старинном бору, веками окружающем мой город. Где-то в поднебесье качают своими лохматыми головами сосны, и в этом шуме деревьев – голос вечности. Только птичий щебет напоминает о земном, преходящем. И я такая маленькая у подножия вековечности, такая слабая и обречённая. Но вот я на обрыве. Где-то далеко внизу солнце высвечивает сверкающие блики – ручей. И оттуда поднимаются ко мне могучие сосны. Но нет, отсюда, сверху, могучими они не видятся. Ветер раскачивает их стволы, кажется, что они из картона и вот-вот надломятся. Всё двояко в этом мире. Важно ощущение себя в нём. Что знают эти деревья, живущие так долго? Одинокие несутся в космическом пространстве светила, бесцельны бесконечные облака, проплывающие над нашими крышами. Только я, человек, знаю, как волнующи звуки музыки, как прекрасны эти деревья, цветы и звёзды, как весел птичий и ребячий гомон, как неповторим первый трепетный поцелуй. Да разве можно всё это, испытываемое за короткую человеческую жизнь, променять на долгое существование в немом безмолвии, в глухом одиночестве покоя! Мне здорово повезло, что я пришла в этот мир ЧЕЛОВЕКОМ. И это ощущение поднимает вверх. Потому мои рисунки – взгляд сверху. Сверху не видно деталей, мелочей, в поле зрения попадает лишь главное, сущее: дети, цветы, сказка, весна, любовь, печаль, осень, одиночество, старость – всё вечное в своей повторяемости, возрождении и всё преходящее в жизни отдельного человека. Однажды внук спросил деда: «Что такое красота?» И тот ответил: «Когда ты услышишь, как в цветке стучит сердце, значит, к тебе пришла красота». Видно, так рождается в искусстве своя тема. Так она вызрела во мне: чудо каждого дня. Облака на небе – приглядись – похожи то на прекрасное платье сказочной феи, летящей над землей, то на странного неведомого зверя. А струи дождя! Они словно струны, натянутые между небом и полем. Пролетит сквозь них стая ласточек, зацепит крыльями, и зазвенят, задрожат струны нежной песней. Если посмотреть себе под ноги, то можно увидеть ещё одно чудо: пушистое нежнейшее гнёздышко – одуванчик. Но только его нельзя трогать руками, исчезнет – чудо неприкосновенно. И вот ещё одно: девчушка, хрупкая и беззащитная, под режущими струями дождя среди ночи держит зонтик над звездой: чтоб не погасла, ведь звёзды так нужны людям. Но если осень, грязь и лужи, ранние сумерки и холод дохнувшей зимы – где же тут красота? Может, в окошке, что светит посреди ночной тьмы, отражаясь в холодной воде, обещая тепло и уют? Ну, а старость? Какая уж тут красота? Но как прекрасно лицо женщины в осени! Как светла печаль её легкой улыбки, мудры все понимающие глаза, добры большие натруженные руки, которые всё могут, всё умеют: это руки моей мамы. Красота всюду. Я увидела её в каплях дождя, рассыпавшихся, словно бусинки, по волосам моей подруги, и в добром свете глаз моего отца, и на румяных щеках моего друга пятилетнего Вовки. Она – в стуке сердец влюблённых, встретившихся в моём доме, и в комочке снега, принесённом с улицы моими друзьями в стакане, и в осенней ветке клёна, стоящей в вазе на моём столе...

Людмила Киселева. Зимняя сказка.

Мизерные порции жизни, так скупо подаренные мне судьбой, обрели свою высокую цену, будучи в сущности бесценными. И когда кто-то говорит: «Как неинтересно, как буднично жить», – это печально: значит, к человеку не пришла красота. Но как рассказать обо всём этом в линиях, штрихах, мазках, где найти силу, чтобы рядом с моим рисунком человек удивился, узнав в необычном привычное, что окружает его каждый день? И тогда я пробую рисовать картину словами: «...С небес к окну приник с хрустальным звоном не то снежок, не то луны кружок. Казалось, только руку протяни, и на ладони ты ощутишь его скользящий холодок. Какой-то праздник праздновала ночь и наряжала звёздами деревья, застывшие фонтаном ледяным, и приглашала невидимых гостей. Я эту ночь видала, я тайну подсмотрела в тот звёздный час зимы. И воскрешаю вновь забытые виденья ночи, утраченную добрую минуту. Уж сколько сломано карандашей и перьев, чтоб не забыть нам сказок зимних, летних – всяких, чтоб не терять таких мгновений потом, когда на наши «почему» узнаем множество ответов и смотрим вновь на звёзды, на луну, а сердце не задето».

Как задеть сердце, чтоб услышали, увидели, узнали, полюбили?

...По ночам меня мучает бессонница. Друзья дают советы: димедрол, мёд, аутогенная тренировка... А лучше всего считать слонов. И я считаю: ...три, четыре, пять..., а вот эту линию я сделаю плавной, словно волосок на ветру... шесть... восемь, десять... Нет, не то – линии должны идти не вниз, а в стороны, чтобы воздух их обтекал... двадцать, тридцать, сорок...

Почему так печально лицо у моей Девочки Весны, словно она – подраненная птица. Так не бывает. Весна — начало, а в начале нет печали... тысяча пять... тысяча десять... тысяча двадцать... Вероятно все «слоны» пересчитаны, потому что я, наконец, засыпаю. Мне снится стена, на которой я, словно мозаику, выкладываю из кусочков-заготовок лицо. Лицо дисгармонично, вроде бы всё есть, но всё не на своём месте, смещено: глаза – один в фас, другой – в профиль влево, нос – в профиль направо, в трагическом крике раскрыт рот, словно от боли и ужаса, что лицо его так изуродовано, что ему не суждено родиться из небытия, потому что художник этот – я, а лицо это – мой автопортрет...

Но приходит день и своим светом снова вселяет надежду, что смогу, сумею, найду, ведь я сама выбирала этот путь – путь за пределы самой себя, эту долгую дорогу труда и терпения, ведь жить – это медленно рождаться.

Помнишь, у Экзюпери: «Мучительно не уродство измятой человеческой глины, но в каждом из людей, быть может, убит Моцарт».

Нет, конечно, подруга-дизайнер права: гениальным себя не сделаешь, талант из ничего не родишь. Но разве мы рождаемся ни с чем? А дар образного восприятия мира – разве он не природен? Посмотри, как рисуют дети, как зорко их сердце! Маленький человек, зависимый от всех и вся, живёт наполненной внутренней жизнью, а вырастая, нивелируется стандартами жизни и в суете будней пропускает дни свои мимо себя. Глаза его слепы, а уши глухи – его не коснулся дух: не знает, не слышит, не любит. Я думаю и о таком человеке. Так рождается новая тема моих рисунков. Уходит из жизни поэт Марина Цветаева, так ярко, так сильно ощущавшая восторг жизни. Уходит из мира равнодушных – не понимают, не ценят, не любят. Где-то на чердаке в сетях паутины погребён портрет «Прекрасной дамы». С печальным укором смотрят глаза прошлого: не помнят, не видят, не любят. Склонилась над пустым столом с холодным стаканом чая сутулая фигура старушки. Глухая тишина окутывает её – тишина одиночества. И только скрипит, стонет старый дом: не помнят, не едут, не любят...

..Моя мама, приехав со мной, маленькой, уж который раз в больницу и ожидая чуда, услышала: «Медицина бессильна – не выживет» ... Но чудо свершилось – я выжила. Медики говорят об исключительности случая. А я думаю: может, потому, что ЛЮБЛЮ? Из моего окна видна унылая стена соседнего дома, чуть пониже – концы ветвей деревьев, чуть дальше – собор с куполами-шлемами, как у древних русских витязей, которые я так люблю рисовать зимой, а чуть выше, в самом уголке рамы – кусочек неба и две-три звезды на нём. Вот и вечер. Ещё один день, день – жизнь. Пройдёт лето. Придёт осень. Мне теперь так хорошо в осени. Это пора домашнего уюта, тепла, возвращения домой «блудных сыновей». Вот только в лес осенний хочется, когда облетит с деревьев листва и покинут нас птицы, исполнив своё природное дело, и кругом тишина, покой, а воздух чистый, морозный, видно далеко-далеко, и ничего уже не жаль, и смирно так в душе, и мудро в голове…

Так в чём же смысл МОЕГО мгновения под этим небом? Но греет тайная надежда, что всё не зря. Это случается, когда, читая книгу отзывов, привезённую с очередной моей выставки, я слышу голоса: «Самое-самое сильное впечатление – это открытие себя – ещё не знакомой в окружающем мире. И ощущение, будто по росистому полю, навстречу рождающемуся дню несёшь ребёнка, трепетно и бережно прижимая его к себе...» Или: «Всю жизнь я ищу чего-то, а что именно мне нужно – не знаю. Посмотрев рисунки, я подумал, что в них заключается смысл моих поисков...» Значит, услышали, отозвались, любят.

Я приветствую тебя, человек, открывающий себя и мир в жажде познать пределы всего земного. «Дай сердца твоего коснуться сердцем»...

В газетах часто пишут про меня – мужественная. Чем чаще, тем более хочется стать женственной. В моём положении это не просто: чужое отношение создает моё ощущение. Преодолеть отношение к себе как к больному человеку – значит, стереть грань этого ощущения. Когда преодолела, не заметила, а преодолев – полетела, хотя попрежнему моё небо – мой потолок....

Людмила КИСЕЛЁВА.

СЕРГИЕВСКОЕ

Портрет Сони Осоргиной, написанный её сестрой Марией

освещают берег реки, саму реку, зеркально-чистую, Барщёвку и дальний лиловатый горизонт; через реку переправляется паром; стадо медленно поднимается в гору, по дороге к Висляеву. В Вислеяве загорелось окно церкви и у одной крайней избушки. Боже, до чего хорошо! А тут, ближе, стволы берез, облитые этим розовым светом, пронизанные золотом верхушки лиственниц и дубы, дубы, дубы наши могучие в блеске заката, а за ними воздух, воздух и даль бесконечная!...

IV

15 ноября

Что бы я дала, кажется, сейчас, чтобы услышать звук захлопывающейся входной двери нашей, трубу, звон двери в Мамашиной спальней и слабый ответ двери из уборной и Сережиной в коридор. А сводку увидеть, постоять в полной тишине снежного дня, прислонившись к березе над лестницей; кругом тихо, тихо кружатся снежинки, так тихо, что кажется, будто они и не падают, а все держатся в морозном, неподвижном воздухе. Всё бело, бело и тишина полная. Стоишь, смотришь и всё забудешь. Вдруг слева, совсем рядом, слышишь фырканье лошади, быстро скользящие пустые розвальни и голос погоняющего мужика; оглядываешься и видишь, что розвальни совсем не близко, что они едут вниз по дороге, но в ясном воздухе слышно каждое постукивание саней о ступеньки наезженной дороги, скрип полозьев и каждое в полголоса произнесённое слово.

V

20 декабря

Вчера Льяна играла подряд два моих любимых Nocturn a Chopin, и на меня так остро и так больно пахнуло Сергиевским, невозвратимо пережитым, счастливым, любимым.

Тихий летний вечер, открытая дверь на террасу, где под белым абажуром лампы работает Мамака, Мария рисует. В тёмные глубокие просветы террасы смотрит и дышит тёплая, безлунная ночь. На розовой дорожке изредка вспыхивает папироска; Папа один или с Серёжей ходит взад и вперед.

А в гостиной совсем темно по углам; только свечи отражаются на крышке фортепьян и во всех зеркалах. Вокруг пламени одной их свечей кружится ночная бабочка и с треском налетает на свет.

И меня охватило такое чудное и вместе с тем до боли острое чувство этой музыки, тёплого, ночного воздуха, отражения свечей в зеркалах и даже знакомого запаха пыли на круглом зеленом диване, куда я уселась, чтобы слушать.

VI

13 января 1919 года

Сегодня что-то особенно весна, ранняя весна на сводке мне вспоминается. На мне моя весенняя, синяя кофточка, палка в руке и болотные сапоги, к концу прогулки протекшие и натершие мне щиколотку одной ноги. Я иду за садом, уже не по дороге, а около берез, шагая через еще не оттаявшие перешейки снега между деревьев. Вся березовая аллея – один сплошной ручей, разбегающийся в конце в разные стороны. Я помогаю палкой и носком сапога мокрым комьям снега перебираться через веточки и запруды прошлогодних листьев. Река уже прошла, она в полном разливе и только редкие белые льдинки проплывают по синей, свинцовой воде. Тропинка по гребешку сводки вся оттаяла, и ноги липнут и вязнут в мягкой земле. А там, подходя к границе, все поле струится; ручьи бегут, бегут, журчат и все эти мелкие струйки сверкают, хотя солнца нет – оно тусклым пятном светит из-за серых, сплошных туч и греет весенним теплом. Жаворонки поют, и мягкий сильный ветер обнимает, трогает, и так пахнет весной, теплом и сырой землей!

Я просто бывала как бешеная на этих прогулках! Когда домой возвращаешься, в саду всегда маленькое разочарование – там весна запаздывает всегда. Снег весь мокрый и в дырочках от упавших капель и комьев снега с веток. Кой-где редко, редко дорожка протаяла до желтого песка, и с какой радостью следишь, как разрастается эта проталинка и все дальше приходится обходить ее. Круг до половины еще под снегом; на крыше узкая белая полоска, сокращающаяся с каждым днем; доски положены; Нерон, сидя, дремлет на подъезде, поставив ноги на ступеньку ниже себя, покачиваясь, клюя носом и переставляя лапы. Входишь в дом, осторожно ступая мокрыми ногами; я всегда ставила свои башмаки в передней и сидя на деревянном диване, переобувалась. Передо мной знакомая расшатавшаяся половица паркета, большое коричневое пятно на печке: ее замазывали глиной и не успели забелить. Справо в двери большая черная дыра, простреленная Георгием. В столовой Григорий, гремя посудой, накрывает чай. Когда снимешь кофточку и сядешь, вдруг почувствуешь как проголодалась от этого весеннего воздуха и как весело, как петь хочется, как хорошо жить на свете!

VII

13 февраля

Сегодня я проснулась, и в ушах у меня звучал наш милый Великопостный колокол. Так хорошо мне стало и так охватило настроение среды или пятницы одной из средних недель Великого поста. Встанешь спешно, спешно, одеваешься в темное платье с белыми манжетками, обжигаясь и даже с блюдечка, пьешь постный чай. Я както всегда позже девочек вставала и пила чай, когда Папа и они уже ушли в церковь. Только Мамака в черной шелковой рубашечке, доканчивает свой постный какао на серебряном подносе. Я бегу, на ходу застегиваю кофточку и вылетаю на подъезд. С утра еще морозит, но в воздухе пахнет весной. Вчерашние капели с крыш застыли сосульками, лужи подернулись льдом; в канаве, прорытой через двор, вода чуть-чуть струится под тонкой, пористой пленкой белого ледка. Нерон радостно, возбужденно кинулся ко мне; я надеваю перчатки, скольжу и подымаю руки, чтобы не коснуться его милой, грязной морды.

«Нельзя, нельзя, Неронище, я в церковь!». Он сразу остановился и, хотя хвост его еще весело поднят трубой, но на лице полное разочарование; и долго после, когда я на половине сада оглядываюсь на него, он все так же стоит в воротах, застывший в порыве веселья и грустно смотрит мне вслед.

А там, в церкви, часы идут, когда я входу; монотонный голос Василия Сергеевича, а когда доходит до тропарей, то так хорошо, так хорошо, как и сказать трудно. Кроме того, что я духовно глубоко люблю эту службу, эти великие, высокие молитвы – «Господи и Владыко живота моего», «Да исправится», «Ныне силы небесные» и те страшные таинственные минуты, ни с чем не сравнимые – «Свет Христов просвещает всех» и во время выноса Даров, минуты, когда так сознаешь, так чувствуешь присутствие Духа Божия – я душой, кроме духа, душевным чувством так люблю настроение церкви нашей и постное, хорошее чувство внутри себя. Кругом все гармонирует с этим чувством. Батюшка выходит из алтаря для молитв, еще не облачившийся, в одном ярко-зеленом подризнике и епитрахили; Алексей, мягко ныряя, ходит по церкви со свечами; Василий Сергеевич в толстом, ваточном пальто, таком длинном, что оно привычной складкой закрутилось сзади на калошах. Бабы, все больше старухи в больших платках и панёвах, стоят рядком, постоянно кланяются в землю и тупо стоят во время необходимых поклонов. Блестящий пол нашей церкви с отражением окон и свечей, а под ногами знакомый ковер, закапанный воском, с неловкими складками, которые я все стараюсь разгладить ногой, а когда это не удается, разглаживаю рукой при поклонах. Изредка Папа, в серой бекеше выходит из алтаря, через pence-nez косо смотрит на мальчишек или рукой делает знак Алексею.

После обедни, если Мама хочет, на лошади провозим мы ее прямо от церкви на сводку, или одна я туда пробираюсь. На солнце уже тает. Я стою, прислонившись к березе у левой скамейки. Земля вокруг березы вся отошла; ручеек журчит по каменной лестнице; первая бабочка-капустница вьется на солнце над обсохшей прошлогодней травой.

VIII

15 февраля

Сильный летний дождь барабанит по крыше. Капли хлещут в окна и целыми струями стекают по стеклам. В игральной тихо, только и слышно глухой, порывами учащающийся шум дождя. Со стороны балкона мокрые ветки сирени бьются и стучат в окно. Две мухи, попавшиеся между сеткой и стеклом моего окна, сонно жужжат и стукаются о раму. Большие часы наши редко и четко стучат в тишине. Свет какимито клубами то убавляются, то прибавляется в комнате. Я сижу с ногами на оттоманке с книгой, которую я не читаю, и бессмысленно смотрю на стекающие по стеклам капли.

Последний порыв дождя, такой сильный и внезапный, что невольно говоришь «ух!» Потом как-то сразу стихает и в комнате становится светлее. Я открываю окно и с жадностью, всей грудью вдыхаю свежий, сырой, чудный воздух. Дождь еще не прекратился, он сеет, мелкий, мелкий, так что и на крыше его не слышно, только из трубы вода звонко и весело хлещет в бочку и через край на траву. Я иду на наш балкон; дверь разбухла от сырости; я с громким звоном поворачиваю ключ и выхожу. Голуби, услыхав меня, с особым свистящим звуком крыльев срываются с голубятни и тяжело садятся на крышу балкона; в тишине самец начинает ворковать. Лужи воды затекли на балкон, так что я осторожно пробираюсь вдоль стены и по скользким ступенькам схожу в палисадник. Вдруг один листочек на липе около подвала сорвался с места, потерял равновесие и долго, долго в таинственной тишине дрожал, кувыркался и трепетал.

Дождь окончился. Чуркинские куры, выгнанные кем-то из темного прохода в сад, с кудахтаньем стремительно выбегают на воздух, и, увидев, что дождя больше нет, начинают ерошить перья, отряхиваться и чиститься. Большой, серый петух захлопал крыльями и радостно прокричал.

IX

23 апреля

…когда вспомнишь, что весна сейчас в Сергиевском, когда вспомнишь сводку, Мишин лесок в первой зеленой дымке, Леваду, покрытую желтыми звездочками, анемонами, фиалками – вот когда невыносимо делается. Тяга сейчас по вечерам… Наша любимая полянка в Никифоровых мелочах. Со всех сторон кукуют кукушки, иногда перебиваясь, спотыкаясь и через три раза снова выправляясь на правильное, одинаковое «ку-ку, ку-ку, ку-ку». В кустах долго и одиноко поет какая-то нежная вечерняя птичка. Goldroethen рассеяны по полям. Между сухими прошлогодними листьями кое-где вылезают еще завернутые в трубочку свежие, крепкие листья ландышей...

Далеко, далеко за лесом токуют тетерева.

Текст подготовлен к публикации Александрой НИКИФОРОВОЙ.

В газете использованы материалы из православных интернет-ресурсов: www.patriarchia.ru, www.sedmitza.ru.
Газета распространяется бесплатно. Адрес типографии: 248000 Калужская область г. Калуга, пл. Старый Торг, д. 5. Адрес редакции, издателя: 248000 Калужская область г. Калуга, ул. Набережная, д. 4.

PATRIARCHIA.RU

Учредитель: Централизованная православная религиозная организация - Калужская епархия Русской Православной Церкви (Московский Патриархат). Свидетельство о регистрации СМИ: Серия ПИ № 8-1406 от 25.02.2003, выдано Средне-русским межрегиональным территориальным управлением МПТР России.

Наша вера

№ 1 (213), 31 января 2021

и.о. главного редактора:
Ю.А. Белкина.

Дата выхода в свет (время по графику) в 10 -00.
Дата выхода в свет (время фактическое) в 12 -00.

Телефон: 56-27-00 (канцелярия Калужкой епархии)

Тираж выпуска: 2000 экз.
Отпечатано: Фонд «Губерния»
Заказ №_____